ПОЛИНА КУЗИНА

АРХИТЕКТОР МИРОВ

Полина Кузина

Архитектор миров

«Автор»
2026

Кузина П.

Архитектор миров / П. Кузина — «Автор», 2026

Что остается от человека, когда все ложные опоры, чужие тайны и ментальные иллюзии превращаются в руины?Кира знала цену идеальным проектам до тех пор, пока её жизнь не разрушил умысел человека, которому она доверяла больше всего. Пережив мрак изоляции, химического тумана и предательства, она не просто восстановила справедливость — она построила себя заново. Новый дом в сосновом бору и грандиозный архитектурный комплекс на карельских скалах стали для неё не просто зданиями, а манифестом абсолютной ясности. В них нет скрытых ниш и компромиссов с совестью.Но что происходит, когда буря стихает, прошлое остается за колючей проволокой, а впереди открывается пустой лист идеального горизонта?«Когда рушатся несущие стены, остаются только две вещи: чистая геометрия скалы и свет, которому больше нечего прятать».

© Кузина П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Анатомия чужого дома 8
Глава 3. Пространство между стенами 10
Глава 4. Затаив дыхание 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Полина Кузина
Архитектор миров

Полина Кузина
Архитектор миров

Аннотация

Что остается от человека, когда все ложные опоры, чужие тайны и ментальные иллюзии превращаются в руины?

Кира знала цену идеальным проектам до тех пор, пока её жизнь не разрушил умысел человека, которому она доверяла больше всего. Пережив мрак изоляции, химического тумана и предательства, она не просто восстановила справедливость — она построила себя заново. Новый дом в сосновом бору и грандиозный архитектурный комплекс на карельских скалах стали для неё не просто зданиями, а манифестом абсолютной ясности. В них нет скрытых ниш и компромиссов с совестью.

Но что происходит, когда буря стихает, прошлое остается за колючей проволокой, а впереди открывается пустой лист идеального горизонта?

«Архитектор миров» — это пронзительная и сильная история о ментальном исцелении, триумфе холодного рассудка и рождении новой свободы, в которой каждая линия судьбы чертится исключительно по собственному выбору.

«Когда рушатся несущие стены, остаются только две вещи:
чистая геометрия скалы и свет, которому больше нечего прятать».

Глава 1. Белый лист и чужие стены

Больничная палата пахла хлоркой, сухим крахмалом и остывшим, заваренным в пластиковом стаканчике чаем, который Кира неизменно оставляла на тумбочке нетронутым. Этот запах был единственной константой в её жизни на протяжении трех бесконечных недель — стерильный, плоский, отупляющий. Он заполнял сознание до отвала, пока мозг судорожно и тщетно пытался собрать заново осколки разбитой памяти, похожие на рассыпавшийся по мокрому кафелю стеклянный сервиз. Врачи в белых халатах с бегающими глазами называли это «защитным механизмом». Профессиональным вытеснением. Реакцией на сильнейший психологический шок, в результате которого сознание просто захлопнуло тяжелые двери перед лицом невыносимой правды.

Теперь пахло иначе.

Запах ударил в ноздри сразу, как только старое желтое такси затормозило у подгнившего деревянного крыльца. Водитель — молчаливый мужик с испитым лицом, за весь путь не произнесший ни слова, — практически вышвырнул из багажника её единственный легкий чемодан и дал по газам так резко, будто спасался от чумы или проклятия. Колеса прокрутились в грязи, осыпав сухие кусты гравием, и машина растаяла за поворотом сосновой аллеи.

Кира осталась одна. Она стояла на пороге собственного дома, затерянного в глубине соснового бора, и чувствовала, как пронизывающий осенний ветер ледяными пальцами забирается под ткань пальто. Пальцы левой руки казались чужими, деревянными, непослушными. Костяшки и тыльная сторона ладони были покрыты сеткой блеклых, розовато-багровых рубцов — следы ожогов первой и второй степени, о которых так сухо и бесстрастно сообщала выписка из областного ожогового центра.

«Термическое поражение эпидермиса при бытовом возгорании. Прогнозируемая регенерация полная. Рекомендовано наблюдение у невролога».

Но когда Кира на секунду замерла и взглянула на свое отражение в узком, покрытом мутной масляной пленкой зеркале в прихожей, её едва не вывернуло наизнанку.

Из рамы на неё смотрела незнакомка. Это была женщина с истощенным, бескровным лицом, глубоко запавшими глазами, в которых горел лихорадочный, нездоровый блеск, и резкой, неестественно широкой прядью пепельно-белых волос у правого виска. Эта седина выглядела так, будто её выжгли концентрированной кислотой — или мгновенным, диким ужасом, который рассудок отказался фиксировать на пленку памяти, просто сжегши негатив.

— Ты дома, Кира, — произнесла она вслух, едва шевеля сухими губами.

Голос прозвучал хрипло, чужой, шуршащей скороговоркой, испугав даже её саму. Он гулко раскатился под высокими деревянными сводами гостиной, отскочил от бревенчатых стен и тут же растворился в зловещей, давящей на уши тишине.

Дом не сгорел дотла, как она сначала воображала в больничном бреду. Следователи и пожарные эксперты сошлись во мнении: короткое замыкание в устаревшей проводке левого крыла, где располагалась её архитекторская мастерская. Огонь сожрал чертежи, профессиональные подрамники, макеты из пенопласта и бальсы, стеллажи с тяжелыми каталогами строительных материалов и снес кровлю над мансардой. Но основная жилая зона уцелела. Клининговая служба, нанятая страховой компанией еще в тот период, пока Кира лежала в глубокой медикаментозной коме, поработала на совесть. Копоть отмыли специальными составами, текстиль и шторы сдали в химчистку, мебель расставили по местам. Старый кожаный диван с высокой спинкой ровно стоял у панорамного окна, выходившего в глухой лес. Тяжелый письменный дубовый стол ждал своего часа. Книги выстроились на полках идеальными, линейными рядами.

И всё же здесь было что-то глубоко, отвратительно, неправильно не так.

Кира медленно сделала несколько шагов вглубь комнаты, стараясь не смотреть на черные, заколоченные толстыми листами фанеры проемы левого крыла, проглядывавшие сквозь широкую несущую арку. Внутри нарастало липкое, зудящее чувство чужеродности. Каждая клеточка её тела, привыкшая к точному измерению пропорций и эргономике пространства, кричала: это место чужое. Пространство казалось фальшивым, декоративным — как бутафорские театральные подмостки, собранные на скорую руку из картона, шпаклевки и дешевой краски перед самым выходом актеров.

Она остановилась у письменного стола, не смея прикоснуться к полированной поверхности. На самом краю, прямо над массивной резной ножкой, лежала связка ключей. Три тяжелых латунных ключа на потертом кожаном кольце с тиснением в виде буквы «К».

Кира заставила себя протянуть руку и сжать холодный металл в кулаке. Латунь впилась в свежие, чувствительные рубцы на ладони.

В этот же миг мозг прострелило изнутри.

Боль была не тупой, а острой, режущей, похожей на удар разогретой добела стальной спицы прямо в затылок. Перед глазами вспыхнула короткая, безумная сцена, полностью лишенная логического контекста и цвета: кромешная тьма, прорезаемая тонкими лучами карманного фонарика, холодный ливневый дождь, с грохотом барабанящий по стеклу мансарды, и лихорадочный, сорванный женский шёпот прямо у самого уха, от которого заложило барабанные перепонки:

«...ты никогда не найдешь второй тайник, слышишь? Он заберет всё... Он уже здесь...»

Кому принадлежал этот голос? Ей самой в приступе сумасшествия? Какой-то неизвестной женщине? Или человеку, стоявшему за её спиной в тот момент, когда деревянные перекрытия дома охватило пламя?

Кира резко согнулась пополам, уперевшись локтями в дубовую столешницу и тяжело, навзрыд, начала задыхаться. По лбу скатилась крупная капля холодного пота. Боль стихала так же внезапно, как и началась, оставляя после себя во рту устойчивый, тошнотворный привкус меди и ржавчины.

Врачи предупреждали её в клинике: ретроградная амнезия коварна и изощренна. Разум, пытаясь защититься от травмы, затягивает пробоины лихорадочной паутиной фантазий, дорисовывая кошмары и ложные воспоминания на месте выжженных файлов. Провал в памяти — это просто зияющая дыра, черная дыра, в которую проваливается любая тень.

Она медленно выпрямилась, вытирая тыльной стороной дрожащей ладони испарину со лба.

Нужно взять себя в руки. Успокоиться. Выпить чистой воды. Разобрать вещи и лечь спать. Рассудок просто переутомлен дорогой и встречей со старыми стенами.

Кира шагнула обратно к прихожей, где у самой двери по-прежнему стоял её пухлый дорожный чемодан. Рядом с ним на чистом коврике валялся смятый серый пластиковый пакет из круглосуточной аптеки. Кира нахмурилась. Она совершенно не помнила, чтобы заезжала в аптеку по дороге из больницы — таксист вез её строго по трассе, не делая ни единой остановки.

Пальцы слегка дрожали, когда она нагнулась и развернула шуршащий полиэтиленовый пакет.

Внутри лежала стандартная картонная коробочка с мощным рецептурным снотворным, новый блистер витаминов группы «В» и... помятая мягкая пачка дешевых ментоловых сигарет. Кира замерла. Она никогда в жизни не курила — на дух не переносила едкий табачный дым, что всегда знали её коллеги по архитектурному бюро и друзья. Но на обратной стороне пачки шариковой ручкой с синим пачкающим стержнем было выведено корявым, торопливым почерком — будто кто-то писал на коленке в кромешной темноте:

«Не верь дате на календаре».

Сердце пропустило мощный удар, застыло и тут же забилось где-то в самом горле — отчаянно, судорожно, часто.

Кира медленно подняла голову. Взгляд через всю гостиную уперся в настенный отрывной календарь в тяжелой деревянной рамке, висевший возле кухонного проема. На тонком бумажном листе чернели крупные, отпечатанные типографской краской цифры:

14 октября.

Внезапная ледяная волна прокатилась от самой макушки до кончиков пальцев ног, парализуя волю и дыхание.

В её медицинской выписке, которая сейчас лежала в боковом кармане сумочки вместе с паспортом и страховым полисом, черным по белому стояла четкая печать и дата выписки: **22 октября**.

Восемь дней. Восемь целых дней полностью выпали из её жизни между больничной палатой и этим порогом.

Или кто-то очень сильно старался, чтобы она думала, будто вернулась домой именно сегодня.

Глава 2. Анатомия чужого дома

Дом дышал.

Это не было поэтической метафорой, какую любят вкладывать в описания авторы детективных романов. Для Киры, проработавшей восемь лет в архитектурной фирме и знавшей физику материалов до последнего гвоздя, любой деревянный дом был живым организмом. Он имел свой коэффициент теплового расширения, свои точки усадки, свою акустику и свой характерный диапазон звуков. Сосна усыхает и издает сухой, щелкающий звук, похожий на выстрел из мелкашки; дубовые балки под воздействием осенней влаги набухают и издают глубокий, низкий гул, похожий на вздох старого пса.

Но звуки, которые наполняли этот дом сейчас, не подчинялись законам сопромата.

Кира стояла у кухонного стола, держа в руках стеклянный стакан с водопроводной водой. Вода отдавала железом и тиной — фильтры явно засорились за время её отсутствия. Часы на стене тикали с мерзкой, математической точностью: *тик-так, тик-так*. Снаружи окончательно стемнело. Сосны за окном превратились в огромные, черные лапы, бьющие по панорамному стеклу при каждом порыве ветра.

Она перевела взгляд на календарь. 14 октября.

На столе в прихожей лежал её мобильный телефон — старый, с трещиной через весь экран. Когда она включила его в такси, экран показал отсутствие сети и полностью севшую батарею. Зарядное устройство, как выяснилось, осталось где-то в недрах сгоревшей мастерской. Она была полностью отрезана от мира. Ни связи, ни интернета, ни возможности проверить, какой сегодня день на самом деле.

«Так, стоп. Рассуждай логически», — приказала себе Кира, сжимая стакан так крепко, что фаланги пальцев побелели. — «Ты архитектор. Ты привыкла работать с фактами, чертежами, замерами. Эмоции — это мусор. Этиология амнезии включает промежутки ложной памяти — конфабуляции. Возможно, календарь просто забыли перелистнуть. Клинеры отмыли дом, но не трогали бумаги. Это нормально».

Но почему тогда на пачке сигарет её почерк?

Кира снова достала из аптечного пакета мятую пачку. Она подошла к яркой настольной лампе, включила её и положила пачку под прямой свет. Буквы были выведены наспех, но нажим, характерные хвостики у буквы «Р» и соединение букв «НЕ» принадлежали ей. Это был её почерк. Почерк человека, испытывающего дикий, панический страх, когда рука не слушается и съезжает вбок.

Значит, она уже была здесь? До того, как её «официально» выписали из клиники? Или её выписали раньше, а восемь дней она провела в этих стенах, теряя остатки разума?

Кира решительно отставила стакан и взяла со стола связку из трех ключей.

Ей нужно было посмотреть на сгоревшую мастерскую. Врачи категорически запрещали ей ходить туда в первые дни, опасаясь рецидива психоза, но именно там лежала правда.

Пройдя через гостиную, Кира остановилась перед широкой аркой, перегороженной временной дверью из толстых сосновых досок. Дверь была заперта на навесной замок. Один из трех ключей на кожаном кольце идеально подошел к скважине. Замок щелкнул — звук показался громким, как взрыв в тишине дома.

Кира толкнула дверь. Из проема на неё хлынул плотный, концентрированный запах гари, мокрого угля и гниющей древесины.

Она включила карманный фонарик, который нашла в ящике комода. Узкий луч выхватил из темноты масштабы разрушения.

Мастерская представляла собой печальное зрелище. Крыша в центре провалилась, и сквозь пролом было видно черное осеннее небо с редкими, холодными звездами. На полу

лежали обугленные балки, перемешанные с размокшей от дождей минеральной ватой и обломками гипсокартона. Её любимый кульман — огромный профессиональный чертежный стол — превратился в обугленный скелет из изогнутого металлического профиля.

Кира медленно шагала по хрустящему мусору, освещая фонариком стены. И тут её взгляд зацепился за одну деталь.

Она замерла.

Огонь уничтожил практически всё, но на несущей кирпичной стене, где раньше висели готовые проекты, сохранился большой фрагмент планшета с план-схемой этого самого дома. Это был проект реконструкции, который она закончила за неделю до пожара.

Кира подошла ближе, направив луч света на чертеж.

Её глаза быстро пробежались по линиям: гостиная, кухня, спальня на втором этаже, мастерская... И вдруг дыхание перехватило.

На чертеже, выполненном её собственной тушью, между капитальной стеной гостиной и внешней стеной мастерской была начерчена узкая, длинная комната-пенал. Без окон. Без дверей на основном плане. Лишь тонкая пунктирная линия обозначала скрытый проход из шкафа в прихожей.

Кира знала этот дом до последнего сантиметра. Она сама проектировала его три года назад для себя и своего мужа.

В этом доме никогда не было тайной комнаты.

Кира протянула руку и провела пальцем по сухой бумаге чертежа. Тушь была свежей. Пунктирная линия скрытого помещения была нанесена не архитекторской тушью, а обычной синей шариковой ручкой. Той самой, которой была сделана надпись на пачке сигарет.

Вдруг сзади, в глубине сгоревшей мастерской, под завалившимися балками, раздался отчетливый, сухий хруст ломающейся ветки.

Будто кто-то тяжелый переступил с ноги на ногу в темноте.

Глава 3. Пространство между стенами

Тень в углу мастерской не шевельнулась.

Хруст не повторился, но тишина, накрывшая проломленную крышу, стала другой — плотной, натянутой, как струна перед самым обрывом. В ней больше не было естественности заброшенного пепелища. Так замирает воздух в комнате, когда кто-то задерживает дыхание в трех шагах от тебя, надеясь, что стук его собственного сердца не выдаст местоположение.

Кира медленно, не делая резких движений, опустила руку с фонариком. Узкий луч света скользнул по обугленным балкам, выхватив из темноты кусок ржавой арматуры и мокрый изоляционный материал. Направлять свет прямо в тень она не стала — инстинкт подсказывал, что пока ты делаешь вид, будто ничего не заметил, у тебя есть несколько секунд преимущества.

Она сделала шаг назад, к открытой двери в жилое крыло. Нога наступила на крошево из мокрого гипсокартона. Звук показался оглушительным.

— Кто здесь? — спросила она.

Голос вырвался сухим, ломким шелестом. Ответной реакции не последовало, лишь осенний ветер швырнул через пролом в крыше пригорсть мелких, ледяных капель дождя.

Кира не стала ждать. Запястье сжалось на ручке тяжелой фанерной двери, она рванула её на себя, выскочила в теплую, сухую гостиную и с силой захлопнула дверь. Навесной замок встал в дужку с громким, металлическим кликом. Ключ повернулся дважды. Руки дрожали так сильно, что латунный язычок долго не мог попасть в скважину, царапая краску.

Оперевшись спиной об косяк двери, Кира судорожно задышала, заново привыкая к воздуху, не отравленному копотью.

«Успокойся. Это птица. Или осели балки под весом воды. Дерево расширяется и ломается».

Но картинка перед глазами не менялась. Вспышка свежего чертежа, сделанного синей шариковой ручкой поверх её архитекторской туши, выжигала сетчатку изнутри.

Узкий пенал. Тайная комната между капитальной стеной гостиной и периметром мастерской.

Кира повернулась и посмотрела на длинную, обшитую темным дубом стену гостиной. Слева стоял массивный книжный стеллаж, забитый профессиональной литературой по урбанистике, альбомами с репродукциями и справочниками по конструкциям. Справа — встроенный гардеробный шкаф для верхней одежды с тяжелыми зеркальными дверцами.

Если верить рисунку на планшете, глубина этого шкафа не могла составлять полтора метра. Стандартный шкаф имеет глубину шестьдесят сантиметров. Всё, что дальше — мертвая зона.

Кира шагнула к шкафу и с грохотом раздвинула зеркальные створки.

Внутри висело несколько её старых осенних курток, длинное бежевое пальто, которое она не носила года два, и пара пыльных кейсов с измерительными инструментами на нижней полке. Запах стоял привычный — залежалая ткань, сухая лаванда от моли и легкий оттенок сырости.

Она вытащила из шкафа всю одежду, сбрасывая её прямо на паркет гостиной. Освободив заднюю стенку, Кира посветила фонариком на фанерные панели. Обычный шпон, покрашенный в темно-коричневый цвет. Никаких ручек, никаких замочных скважин.

— Бред, — прошептала она. — Я сама проектировала эту секцию. Здесь несущий простенок.

Но пальцы уже сами искали подтверждение. Кира начала простукивать заднюю стенку шкафа костяшками пальцев.

Тупой, глухой звук: *тук, тук, тук*. Массив. Дерево прилегает к бетону.

Она сместилась правее, ближе к стыку с книжным стеллажом.

Ток, ток, ток.

Звук изменился. Он стал звонким, гулким, с едва уловимым вибрационным эхом. За этой тонкой фанерной перегородкой была пустота.

Кира почувствовала, как по затылку побежали мурашки. Точная архитекторская память, на которую она привыкла опираться как на единственную константу в своей жизни, подводила её с каждым часом всё сильнее. В оригинальном проекте здесь находился вентиляционный короб и усиленная несущая колонна. Никаких пустот шириной в полтора метра там быть не могло. Если только... если только кто-то не внес изменения в конструкцию втайне от нее. Или вместе с ней, в те дни, которые её мозг отказался помнить.

Она посветила фонарем вдоль стыка панелей. На полу, в самом углу шкафа, среди серой пыли виднелась тонкая, едва заметная дугообразная царапина на паркете. Свежая царапина, с которой еще не успела сойти деревянная стружка.

Панель двигалась.

Кира запустила ногти в щель между фанерой и боковой стойкой шкафа, уперлась ногами в пол и потянула от себя. Сначала ничего не происходило — дерево сопротивлялось, будто его заклинило намертво. Но затем раздался сухой, визгливый скрип металлической направляющей, и вся центральная секция задней стенки шкафа подалась вперед, открывая темный, узкий проход, уходящий вглубь стены.

Из образовавшейся щели Кире в лицо ударил поток воздуха.

Он не пахло хлоркой больницы или сухой лавандой шкафа. Это был запах старой, разлагающейся бумаги, сырой земляной пыли и чего-то еще — сладковатого, приторного, въедливого, напоминающего застоявшиеся духи или аптечную мазь.

Кира замерла на месте, затаив дыхание. Рука с фонарем подрагивала, отчего луч света хаотично прыгал по деревянным брускам каркаса.

— Кира, не надо, — проговорила она вслух, попытавшись остановить саму себя. — Иди в спальню. Запри дверь. Дождись утра.

Но тело не слушалось. Страх перед неизвестным был ничем по сравнению с той всепоглощающей, разъедающей паранойей, которая мучила её с момента пробуждения в палате. Неведение убивало медленнее, но вернее.

Она боком перешагнула через нижнюю планку шкафа и ступила в темноту.

Пространство за стеной оказалось невероятно узким — едва хватало места, чтобы пройти, не задевая плечами шероховатые, необработанные гипсокартонные плиты. Пол под ногами был не из паркета, а из голого бетона, холодного даже через плотные подошвы её осенних ботинок.

Кира медленно двигалась вперед, освещая путь перед собой. Узкий коридор делал плавный поворот налево, огибая дымоход гостиного камина.

Через пять метров коридор уперся в тупик.

Там стоял небольшой складной металлический стул. На нем — пластмассовый ведерко из-под краски, использовавшееся вместо импровизированного столика, и настенный светодиодный светильник на батарейках, затянутый паутиной.

Но внимание Киры приковала противоположная стена.

Вся она — от пола до низкого потолка — была заклеена фотографиями, вырезками из газет, распечатанными чертежами и медицинскими снимками. Сотни листов, наложенных друг на друга, скрепленных красными канцелярскими кнопками и исчерканных ярким маркером.

Кира подошла ближе, чувствуя, как сердце колотится о ребра с такой силой, что становилось больно дышать.

На центральном снимке была изображена она сама. Это было фото, сделанное исподтишка, через лобовое стекло машины: Кира выходила из здания архитектурного бюро с папкой в руках. Его пересекала крупная надпись красным маркером: **ОБЪЕКТ 1. НАБЛЮДЕНИЕ**.

Рядом висели другие кадры. Вот она в супермаркете. Вот она на заправке. Вот фотография этого самого дома, сделанная с опушки леса с помощью мощного телеобъектива.

Но самым страшным было не это.

Чуть ниже, под фотографиями, находился выдранный из тетради лист бумаги с таблицей, заполненной от руки. Кира узнала этот почерк — ровный, с легким наклоном вправо. Это был почерк её мужа, Марка.

Таблица содержала даты за последний год и странные пометки напротив каждой:

12 мая — Доза увеличена. Симптомов отторжения нет.

03 июня — Потеря ориентации в пространстве. Забыла ключи от мастерской. Реакция адекватная.

19 июля — Прогрессирующая абсанс-эпилепсия? Спросила, кто я такой. Пришлось применить фазу 2.

02 сентября — Нашла старые записи. Конфликт. Требуется полная зачистка ацетатом.

Кира смотрела на эти строки, и мир вокруг нее начал медленно рушиться. Воздух в узкой комнате стал густым, как кисель, его не хватало для вдоха.

Марк. Её любимый, заботливый Марк, который, как уверяли ее в клинике, погиб в том самом пожаре, пытаясь вытащить её из горящей мастерской... Он не просто жил здесь. Он вел над ней систематический, холодный экспериментальный учет.

Она не сходила с ума сама по себе. Её сводили с ума.

Вдруг на полке под таблицей Кира заметила небольшой диктофон — старый, цифровой, с потертым корпусом. Рядом с ним лежала небольшая пачка свежих батареек и блокнот.

Она протянула дрожащую руку, взяла диктофон и нажала кнопку воспроизведения.

Динамик отозвался коротким шипением, а затем сквозь помехи раздался ровный, спокойный, до ужаса знакомый мужской голос:

«Запись от тринадцатого октября, двадцать два ноли. Кира начинает догадываться про второй тайник под полом мастерской. Пришлось ускорить процесс. Если препарат не сотрет последние недели, мне придется устроить вторую протечку газа. Это единственный способ сохранить...»

Запись обрывалась на полуслове. Раздался резкий звук удара, треск ломающегося дерева и женский крик, который Кира узнала мгновенно.

Это был её собственный крик.

Дата записи — **13 октября**. За день до даты, стоящей на календаре в кухне. За девять дней до её «официальной» выписки из ожогового центра.

Кира стояла в узком тайнике за стеной собственного дома, держа в руках диктофон, и понимала одну простую, леденящую кровь вещь.

Марк не погиб в пожаре. И он писал эту аудиозапись вчера.

В этот самый момент в глубине дома — там, в гостиной, за закрытой фанерной панелью шкафа — раздался тихое, неторопливое хлопанье входной двери. А затем — тяжелые, уверенные шаги человека, снимающего на ходу мокрое пальто.

Глава 4. Затаив дыхание

Звук закрывшейся входной двери был мягким, почти домашним, но в глухом пространстве между стенами он отозвался гулким ударом прямо в затылок.

Шаги в гостиной не были торопливыми. Это не был вор, проникший в чужие владения, и не случайный путник, спасающийся от осеннего ливня. По подошвам тяжелых ботинок, размеренно и привычно ступавших по дубовому паркету, Кира узнала эту походку мгновенно. Чуть приниженная на правую ногу — следствие давней спортивной травмы колена.

Марк.

Кира замерла, прижавшись спиной к шершавой, необработанной гипсокартонной плите. Рука, сжимавшая диктофон, затекла и налилась свинцом, но она не смела даже разжать пальцы. Любое движение, любой шорох синтетической ткани пальто о стену в этой узкой звуковой ловушке резонировали бы наружу, как выстрел.

Она выключила фонарик. Темнота свернулась вокруг нее плотным, колючим коконом.

В гостиной раздался сухой скрип открываемого ящика комода. Затем — позвякивание ключей. Тех самых, что она оставила на письменном столе? Нет, связка ключей оставалась в её кармане. Значит, у него был дубликат.

— Кира? — раздался голос из комнаты.

Он звучал слишком близко. От пространства гостиной её отделяла лишь дюймовая фанерная панель шкафа и слой дешевой изоляции. Голос Марка был спокойным, ровным, без тени удивления или тревоги — именно так он звал её по вечерам, когда возвращался из своего бюро и наливал себе бокал сухого красного.

— Я знаю, что ты не спишь, — продолжение фразы прозвучало чуть тише, будто он повернулся к кухонному блоку. — Таксист сказал, что привез тебя час назад. Извини, что не встретил у ворот. Пришлось улаживать кое-какие формальности в городе.

Кира закрыла глаза, чувствуя, как по виску медленно стекает капля холодного пота. В груди всё сжалось в тугой, болезненный узел. Мозг судорожно пытался переварить происходящее, построить логическую цепь, но факты крошились, как сухая глина.

Если Марк жив... если он свободно ходит по дому... почему в больнице ей сказали, что его тело опознали по зубам после пожара? Почему полиция закрыла дело? И главное — кто лежал в закрытом гробу, за который страховая компания выплатила компенсацию?

В гостиной щелкнул выключатель. Сквозь микроскопическую щель в стыке подвижной панели в тайник проник тонкий, как лезвие бритвы, луч света. Он пересек темноту и уперся точно в стену с фотографиями — в то самое место, где краснела надпись *«ОБЪЕКТ 1»*.

— Странно, — пробормотал Марк уже совсем близко, прямо у створок шкафа. — Зачем ты вытащила куртки на пол?

Раздался шумящий звук сдвигаемой зеркальной двери.

Кира перестала дышать. Ей казалось, что стук её собственного сердца, бьющегося о ребра с дикой, сумасшедшей частотой, слышен на всю комнату. Пальцы левой руки со свежими ожогами судорожно впились в крашеную фанеру, удерживая панель изнутри. Если он потянет створку чуть сильнее или посветит внутрь шкафа, он увидит щель. Увидит сдвинутую стенку. Увидит её.

Взгляд Киры в темноте хаотично метался по узкому пространству тайника. Налево — тупик со стулом и стеной снимиков. Направо — узкий коридор, огибающий дымоход, уходящий вглубь конструкции. Куда он ведет? В глухую стену мастерской? Или там есть второй выход?

«...ты никогда не найдешь второй тайник...» — фантомный голос из памяти снова прострелил затылок быстрой, режущей болью.

В шкафу что-то упало. Тяжелый металлический предмет. Чехол от её измерительного уровня.

— Ты здесь, Кира? — в голосе Марка впервые проскользнула новая нота. Металлическая, сухая, лишенная привычной супружеской мягкости.

Шаги шагнули вглубь шкафа. Фанерная панель, к которой прижималась Кира, слегка вздрогнула — Марк опёрся о нее рукой. Её отделяло от него не больше пяти сантиметров дерева. Она физически ощущала вибрацию его голоса через перегородку.

— Я ведь предупреждал врачей, что тебе рано возвращаться, — тихо произнес он, будто разговаривал сам с собой. — Память — слишком нестабильная структура. Стоит оставить одну нить, и весь узор расползается.

Раздался шелест — Марк поднял с пола пачку сигарет, которую она выронила из аптечного пакета у входа, или наткнулся на выброшенные вещи.

Кира осознала: через пару секунд он догадается проверить заднюю стенку. Он знал об этой скрытой секции. Он сам её построил.

Не думая о последствиях, она сделала медленный, невесомый шаг назад, вглубь узкого коридора, огибающего дымоход камина. Подошва ботинка бесшумно опустилась на холодный бетон. Затем еще один шаг. И еще.

Она двигалась в абсолютной тьме, ориентируясь только по касанию пальцев о шершавые гипсокартонные стены. Сзади, из щели у шкафа, послышался сухой, визгливый скрип — Марк потянул фанерную панель на себя.

Свет из гостиной хлынул в начальный отрезок тайника, освещая складной стул и стену с фотографиями.

— Вот как... — донесся до Киры его тихий, задумчивый шёпот. — Значит, ты уже всё прочитала.

Кира ускорилась, не заботясь о бесшумности. Проход за дымоходом резко сужался. Воздух становился всё более тяжелым, спёртым, отравленным запахом старой гари и сырой земли. Коридор шел под уклоном вниз — конструкция опускалась ниже уровня первого этажа, куда-то в фундаментальное пространство под мастерской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.